
Политика сохранения языкового многообразия в России: декларируемые цели и реальная практика. Случай республик Южной Сибири

Э.А. ПАИН*, В.Ш. МИЖИТ-ДОРЖУ**

*Эмиль Абрамович Паин – доктор политических наук, кандидат исторических наук (этнология), ведущий научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия, rainea@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8796-187X>

**Венера Шолбановна Мижит-Доржу – бакалавр, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия, ve.mizhit@gmail.com

Цитирование: Паин Э.А., Мижит-Доржу В.Ш. (2024) Политика сохранения языкового многообразия в России: декларируемые цели и реальная практика. Случай республик Южной Сибири // Мир России. Т. 33. № 4. С. 66–93. DOI: 10.17323/1811-038X-2024-33-4-66-93

Аннотация

Чтобы привлечь внимание мирового сообщества к проблемам сохранения языков коренных народов мира, Генеральная Ассамблея ООН провозгласила 2022–2032 гг. «Международным десятилетием языков коренных народов мира». В статье отмечается совпадение целей языковой политики России с направленностью резолюции ООН. Вместе с тем показано, что практика российской языковой политики, особенно на региональном уровне, не в полной мере соответствует декларируемым целям.

Также в статье рассматриваются и сопоставляются законы о языке, принятые в трех республиках Южной Сибири – Республиках Алтай, Тыва и Хакасия, но наибольшее внимание уделяется анализу административных практик – использованию русского и национальных языков в ходе заседаний республиканских органов власти и в официальных документах. Анализируются практики и объемы преподавания национальных языков в школах и учреждениях дошкольного образования. Проводится сравнительный анализ меры знания и употребления национальных языков как представителями титульных национальностей, так и русскими, проживающими на территориях указанных республик.

По результатам исследований делается вывод о господстве инерционных процессов в демографической и языковой сферах республик Южной Сибири. В условиях продолжа-

Исследование выполнено в рамках «Программы научных исследований 2023–2025 гг., связанных с изучением этнокультурного многообразия российского общества и направленных на укрепление общероссийской идентичности (руководитель академик РАН В.А. Тишков)».

Статья поступила в редакцию в декабре 2023 г.

ющегося снижения численности некоторых титульных этносов (например, хакасского) местные власти ослабляют усилия по сохранению этнических языков, что повышает их уязвимость. Административные практики, направленные на расширение сфер применения этнических языков, проявляются только в тех республиках, в которых инерционные демографические процессы благоприятны для титульных этносов (Республика Тыва). Авторы приходят к выводу, что заявленные государством цели сохранения языкового многообразия России требуют корректировки практики реализации языковой политики и излагают свои представления о возможном направлении таких перемен.

Ключевые слова: языковая политика, этническая политика, угрозы языкам, языковое разнообразие, коренные народы

Введение

На рубеже XX–XXI вв. в мире стал усиливаться интерес к сохранению и возрождению традиционного культурного наследия, в том числе и в языковой сфере. Этот тренд был обусловлен многими факторами – стремлением к защите от избыточной унификации национальных культур в условиях глобализации; новым подъемом антиколониалистских настроений; ростом ценности культурного разнообразия. Но чем больше проявляется интерес человечества к сохранению культурного и языкового многообразия, тем болезненнее воспринимаются им угрозы вымирания языков коренных народов в разных регионах мира. На это обращает внимание резолюция Генеральной Ассамблеи ООН, провозгласившая 2022–2032 гг. «Международным десятилетием языков коренных народов мира» (IDIL 2022–2032) с целью «привлечь внимание мировой общественности к бедственному положению многих языков коренных народов и мобилизовать заинтересованные стороны и ресурсы для их сохранения, возрождения и продвижения»¹.

Эксперты ЮНЕСКО создали мировой Атлас угроз языкам коренных народов в процессе их конкуренции с языками более многочисленных и зачастую политически доминирующих этнических общностей². Международная классификация угроз языкам основывается главным образом на анализе состояния межпоколенной трансляции языковых навыков. Эксперты полагают, что разрыв трансляции, когда дети перестают воспринимать этнический язык родителей, предков (*mother tongue*) в качестве значимых в социальной практике, является угрозой для этнического языка.

В списке ЮНЕСКО обозначены шесть категорий для определения того, в какой степени язык находится под угрозой исчезновения:

- вымершие: носителей языка не осталось. Атлас предполагает вымирание, если с 1950-х гг. не было известно ни одного носителя языка;
- на грани вымирания: самыми молодыми носителями языка являются только старшие поколения (бабушки и дедушки), и они говорят на языке частично и непостоянно;

¹ Международное десятилетие языков коренных малочисленных народов // ЮНЕСКО // <https://idil2022-2032.org/>, дата обращения 10.04.2023.

² World Atlas of Languages (2010) // UNESCO // <https://en.wal.unesco.org/>, дата обращения 05.03.2023.

- серьезная угроза исчезновения: на языке говорят старшие поколения. Хотя поколение родителей может понимать его, они не говорят на нем с детьми или между собой;
- есть угроза исчезновения: дети больше не изучают этот язык как родной дома;
- уязвимый: большинство детей говорят на этом языке, но он может быть ограничен определенными сферами (например, только общением в семье);
- безопасный / не находящийся под угрозой исчезновения: на нем говорят все поколения, и передача между поколениями непрерывна. Эти языки не включены в Атлас, поскольку они не находятся под угрозой исчезновения.

Россия была одним из инициаторов указанной резолюции ООН: еще в апреле 2019 г. глава Федерального агентства по делам национальностей РФ И.В. Баринов, выступая на XVIII-й сессии Постоянного форума ООН по вопросам коренных народов, предложил объявить десятилетие языков коренных народов³. Широкая поддержка российской идеи в мировом сообществе – редкий случай в практике российских международных инициатив последнего десятилетия. В России политические заявления о поддержке языков коренных народов соответствуют как стратегическим целям Российской Федерации, обозначенным в ее Основном законе, так и новым политическим веяниям, связанным с демонстрацией приверженности к традиционным ценностям. Конституция РФ (ст. 68) гарантирует права этнических меньшинств на использование своих родных языков в общественной жизни и образовании и предусматривает возможность установления государственного языка республик [Конституция РФ 1993]. В настоящее время такой статус имеют 37 языков в республиках РФ.

В «Стратегии государственной национальной политики России до 2025 года» в качестве одной из целей обозначены «сохранение и поддержка этнокультурного и языкового многообразия Российской Федерации, традиционных российских духовно-нравственных ценностей как основы российского общества» [Указ Президента РФ 2012].

Следует отметить многочисленные проявления общественного интереса к сохранению культурного и языкового многообразия в России. В ноябре 2016 г. Совет по правам человека (СПЧ) при Президенте России подготовил отчет о проблемах сохранения и развития языка и культуры так называемых малых народов страны⁴. Эта же тема затрагивалась и в марте 2023 г. на встрече Президента России с лауреатами премий в области литературы и искусства, где В.В. Путин, развивая свою идею о негативных последствиях политики 1990-х гг., связал с ней необходимость поддержки процесса языкового многообразия. Президент отметил, что «был момент, когда после развала Союза у нас в России очень много, к сожалению, было утрачено с точки зрения поддержки национальных языков, поэтому очень-очень важно поддерживать это многообразие сейчас»⁵.

Цели поддержки языкового многообразия обозначены и в важнейших государственных документах РФ, они ясно сформулированы в политических высту-

³ Глава ФАДН предложил в ООН объявить десятилетие языков коренных народов (2019) // Национальный акцент. 23 апреля 2019 // <https://nazaccent.ru/content/29731-glava-fadn-predlozhit-v-oon-obyavit.html>, дата обращения 10.04.2023.

⁴ Трифонова Е. (2016) Путину предложат спасти вымирающие народы // Kginfo.ru. 29 ноября 2016 // <https://kginfo.ru/putinu-predlozhat-spasti-vymirayushchie-narody/>, дата обращения 11.05.2023.

⁵ Путин подчеркнул важность поддержки языкового многообразия народов России (2023) // ТАСС. 22 марта 2023 // <https://tass.ru/obschestvo/17340717?ysclid=lhgbtpopne386641201>, дата обращения 01.04.2023.

плениях российских лидеров и в заявлениях многих российских общественных организаций. И хотя цели поставлены, они до сих пор не достигнуты, и угрозы существованию языков многих народов России сохраняются до сих пор (таблица 1).

Таблица 1. Соотношение угроз языкам народов России по Атласу угроз языкам ЮНЕСКО, 2023 г.

Категория по ЮНЕСКО	Процент от общего числа языков
Безопасный / не находящийся под угрозой исчезновения	8%
Уязвимый	43%
Под угрозой исчезновения	23%
Серьезная угроза исчезновения	17%
На грани вымирания	8%
Вымерший	1%

Таблица 1 показывает, что по данным ЮНЕСКО на 2023 г. лишь 8% языков народов России находятся в зоне безопасности, тогда как 82% этнических языков попали в той или иной степени в зону риска деградации: почти половина языков народов России (48%) находится в зоне высокого или даже критического уровня угроз; 8% языков – на грани исчезновения и еще 1% языков фактически не используется. По оценкам экспертов, в России за постсоветский период исчезли 10 этнических языков⁶; и они не включены в Атлас ЮНЕСКО.

В республиках Южной Сибири, являющихся объектом наших эмпирических исследований, заметны те или иные угрозы сохранности языка титульных народов, давших название соответствующей республике и являющихся их государственными языками. По классификации ЮНЕСКО тувинский язык определен как «уязвимый» (*vulnerable*), а угрозы алтайскому и хакасскому языкам оцениваются еще выше – они «под угрозой исчезновения» (*definitely endangered*). Ослабление у молодежи мотивации к изучению и использованию материнского языка наблюдается даже в Тыве (или Туве, согласно республиканской конституции оба названия равнозначны) – в самом благоприятном для развития этнического языка регионе Сибири. Сложившиеся инерционные тенденции в языковой сфере, на наш взгляд, не соответствуют целям языковой политики, провозглашенным в важнейших государственных документах России. Анализ этого обстоятельства обусловил основные исследовательские вопросы, рассматриваемые в данной статье. В ней мы пытаемся разобраться, в какой мере несоответствие между целями национально-языковой политики и реальными тенденциями в языковой сфере обусловлены недостатками действующего государственного управления на федеральном и региональных уровнях. Мы также анализируем гипотетическую возможность

⁶ Полинский А. (2022) За последние 35 лет в России исчезли 10 языков // RG.ru. 1 июля 2022 // <https://rg.ru/2022/07/01/za-poslednie-35-let-v-rossii-ischezli-10-iazykov.html?ysclid=lhgdpkm4zj273524670>, дата обращения 05.03.2023.

перелома инерции угасания языков титульных национальностей республик Южной Сибири за счет устранения ряда недостатков этноязыковой политики и ее корректировки, которая, на наш взгляд, требует учета мирового опыта.

Важнейшие предпосылки успеха политики возрождения языков (мировой опыт в сравнении с российским)

В настоящее время нет общепринятого определения понятия «языковая политика» как в зарубежной, так и в отечественной научной литературе, хотя большинство авторов используют это понятие для обозначения неких целенаправленных действий государства и/или общества по решению языковых проблем. Значительные расхождения во мнениях экспертов проявляются по отношению к содержанию этих проблем и более того – в понимании тех государственных действий, которые допустимы и полезны в языковой сфере. Нам близка позиция известного лингвиста, академика В.М. Алпатова, который полагает, что языковая политика призвана регулировать и определенным образом организовывать соотношение между этническими языками в многоязычном обществе [Алпатов 2013]. В эпоху колониальных завоеваний нарушение этого соотношения могло быть обусловлено насильственным подавлением и вытеснением колонизаторами языков покоренных народов, запретами на их использование за пределами домашнего обихода. В настоящее время баланс между языками в многоязычном государстве чаще всего нарушается в результате ненасильственной, хотя почти всегда вынужденной, утраты языковой лояльности представителями коренных народов и этнических меньшинств к своему *mother tongue*. В.М. Алпатов объясняет наиболее фундаментальную причину ненасильственной смены языковой лояльности действием двух противоборствующих потребностей человека – потребности в сохранении традиционной идентичности и потребности взаимопонимания. Первая обуславливает изначальные преимущества материнского языка, поскольку для людей привычнее и психологически удобнее разговаривать на языке, известном с раннего детства. Вместе с тем в мультикультурной среде формируется потребность во взаимопонимании с иноязычными собеседниками, и эта потребность тем значительнее, чем больше возможностей для социальной мобильности и достижения социального престижа дает освоение нового языка. В теории противоборство этих потребностей снимается двуязычием, однако на практике оно возможно лишь при условии некоторого социального и политического равенства между этническими общностями – своей, носительницей материнского языка, и другой, представляющей новый язык, особенно если последний является государственным языком страны или ее автономного региона.

Одним из примеров равного использования двух языков является Каталония: в последнее двадцатилетие руководство этого автономного сообщества Испании активно защищало идею полной независимости Каталонии, что обусловило политические столкновения с центральным правительством королевства, особенно в 2011–2019 гг. Вместе с тем даже во времена политических кризисов в Каталонии преобладало и сохраняется ныне испано-каталонское двуязычие, при котором испанский язык понимали 99%, а могли говорить 96% населения, каталонский язык

понимали около 96% и могли говорить на нем 75% [Алос-и-Фонт 2017]. Испано-каталонское двуязычие в Каталонии, англо-французское в канадском Квебеке, финно-шведское в Финляндии и некоторые другие – все они пока относятся к редким явлениям в языковой ситуации глобального мира. Намного чаще языки коренных народов и этнических меньшинств проигрывают конкуренцию основному государственному языку страны. В поисках решений подобной проблемы следует обратить внимание на мировые примеры возрождения забытых или находившихся на грани забвения языков. Таких примеров становится все больше, но мы ограничимся лишь тремя, подчеркивая значительные успехи в восстановлении языка айнов (Япония), гавайского языка (штат Гавайи, США) и языка маори (Новая Зеландия).

Выбранные нами примеры могут показаться не релевантными для сравнения с языковыми ситуациями любого региона России прежде всего в силу различий в истории языковых процессов. Во всех упомянутых зарубежных государствах затухание языков коренных народов было следствием политики их насильственной ассимиляции, в частности запретов, установленных колониальными властями, на использование родных языков в образовании и в публичной деятельности. В истории России, по крайней мере, за последние 100 лет ни один этнический язык не подвергался таким запретам; напротив, многие языки коренных народов страны в это время впервые обрели письменность и статус языков для преподавания как раз благодаря государственной политике. Кроме того, даже в период ослабления интереса молодежи к освоению материнских языков у изучаемых нами народов Сибири (алтайцев, тувинцев и хакасов) эти языковые проблемы не были столь глубокими и драматичными, как у упомянутых народов зарубежных стран. Вместе с тем, несмотря на особенности истории утраты языков трех народов (айнов, гавайцев и маори), примеры их возрождения могут быть весьма поучительными для современной России, поскольку ярко демонстрируют чрезвычайно важное значение трех едва ли не универсальных для рубежа XX–XXI вв. факторов ренессанса языков этнических меньшинств.

Во-первых, они указывают на роль политических решений, обеспечивших особый статус языку коренного народа и его правовую защищенность. Во всех трех случаях такие решения стали поворотным пунктом в возрождении рассматриваемых языков: «Закон о языке маори» (1987 г.), который признал этот язык в качестве официального наряду с английским в Новой Зеландии⁷; поправки к Конституции штата Гавайи (1978 г.) обеспечившие гавайскому языку статус официального языка штата наряду с английским [Saving the Hawaiian Language 2012] и «Закон о культуре айнов» (1997 г.), признающий этот народ коренной этнической группой страны и закрепивший особый статус этого языка на острове Хокайдо [Gaytan 2011]. Все эти законодательные нововведения повысили социальный престиж языка коренных народов, стимулировали рост общественного интереса к программам освоения этих языков и обеспечили возможность привлечения в этих целях разнообразных ресурсов. Опрос 2017 г. на о. Хокайдо указал на переход от почти полного забвения в конце 1990-х гг. языка народа айна к различным формам освоения его почти половиной опрошенного населения

⁷ Maori Language, Once Shunned, Is Having a Renaissance in New Zealand (2018) // The New York Times, September 16, 2018 // <https://www.nytimes.com/2018/09/16/world/asia/new-zealand-maori-language.html>, дата обращения 20.04.2023.

[Uzawa 2019]. В 1997 г. на гавайском языке говорило около 2 тыс. чел., но уже по переписи населения 2010 г. 24 тыс. жителей штата назвали его своим основным языком [Saving the Hawaiian Language 2012]. Развивавшееся в ходе возрождения языка маори этническое самосознание этого народа привело к изменениям демографических тенденций: начался рост численности народа маори и его доли в составе населения Новой Зеландии. В 2013 г. народ маори составлял 3,7% населения страны, а в 2018 – уже 15%, став второй по численности национальной группой страны⁸. Наши исследования в российских республиках Южной Сибири также подтверждают важную роль правового закрепления особого статуса языка коренного народа. К сожалению, эта роль доказывается от обратного: в тех республиках, где административная практика отстывает от принципов ст. 68 Конституции РФ о статусе государственных языков республик России, нарастают неблагоприятные для меньшинств тенденции как в языковой, так и в этно-демографической сферах.

Во-вторых, три зарубежных примера предоставляют убедительные доказательства того, что успех попыток возрождения языков коренных народов во многом обусловлен сочетанием усилий государства и институтов гражданского общества. В Новой Зеландии начала 1980-х гг., еще до юридического закрепления статуса языка маори, возникло общественное движение *Kohanga Reo*. Именно оно стимулировало принятие закона о языке маори и внедрение новейшей методологии возрождения языка (*language nest* – «языковое гнездо»), то есть освоение забытого языка методом погружения детей дошкольного и раннего школьного возраста в среду носителей языка коренного народа. Такое же общественное движение *Punana Leo* (по-гавайски «языковое гнездо») возникло в 1985 г. в штате Гавайи (США). С конца 1990-х гг. община айнов на о. Хокайдо стала играть ведущую роль в усилиях Японии по возрождению айнского языка. В ходе нашего исследования в республиках Сибири мы пытались найти аналогичные примеры активности общественных движений в защиту этнических языков народов России.

В-третьих, все три примера (гавайский, новозеландский и японский) демонстрируют особый тип языковой политики, ориентированной на перелом негативных инерционных тенденций в затухании этнических языков и демографического потенциала народов. Такой тип политики в исследованных нами сибирских республиках не проявился: здесь политика подчинена инерционным процессам в языковой и этнодемографической сферах. Однако характер и последствия этой инерции в Республиках Алтай, Тыва и Хакасия оказались различными, и не во всех случаях инерцию следует оценивать как негативное явление.

Неоднозначность следствий языковой политики современной России

Декларируемые в государственных документах РФ политические цели сохранения языкового многообразия осуществляются в рамках стратегий национальной (точнее было бы сказать этнонациональной) политики. Один из двух первых зако-

⁸ Maori Language, Once Shunned, Is Having a Renaissance in New Zealand (2018) // The New York Times, September 16, 2018 // <https://www.nytimes.com/2018/09/16/world/asia/new-zealand-maori-language.html>, дата обращения 20.04.2023.

подательных актов в сфере регулирования этнонациональных отношений в постсоветской России был посвящен как раз этническим языкам [Закон РФ «О языках народов Российской Федерации» 1991]. В 1996 г. российское правительство представило «Концепцию государственной национальной политики РФ», также придававшую большое значение этническим языкам и провозглашавшую в качестве одной из своих целей содействие сохранению и развитию языков, культур и традиций народов России [Концепция государственной национальной политики Российской Федерации 1996]. Это был первый комплексный документ национальной политики Российской Федерации, и в этом качестве его теоретическое значение не вызывает сомнений, однако к концу первого десятилетия постсоветской эпохи этот документ потерял свою практическую значимость, поскольку многие этнополитические проблемы 1990-х гг. стали не актуальны в начале 2000-х: заметно ослабли сепаратистские тенденции в республиках; основная зона этнополитической проблематики в нулевые годы переместилась из регионов в крупнейшие города в связи с притоком в них мигрантов из новых государств; поддержка Концепцией идеи ведущей роли федерализма в национальной политике и возрастающая самостоятельность субъектов РФ уже не соответствовала новым политическим реалиям. С принятием в декабре 2012 г. «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» [Указ Президента РФ 2012] Концепция 1996 г. утратила свое правовое и политическое значение.

В январе 2012 г. перед принятием «Стратегии государственной национальной политики России до 2025 года» на сайте «Единой России» вышла статья В.В. Путина «Россия: национальный вопрос», в которой большое внимание уделялось провалу «мультикультурного проекта» во многих странах. По мнению В.В. Путина, «в России – исторически сложилась другая ситуация, уникальная в своем роде: на территории страны издревле взаимодействовали и развивались сотни народов и общностей, каждая из которых имела свои национальные традиции» [Путин 2012]. Отразившиеся в этой статье представления, подчеркивающие культурную уникальность России, принципиально отличались от идей, которые были заложены в Концепции 1996 г., ориентировавшейся на мировые модели этнополитики.

Чрезвычайно важные перемены в российском подходе к этнической и языковой политике обозначились в период реализации самой «Стратегии национальной политики». 20 июля 2017 г. в Йошкар-Оле состоялось заседание президентского Совета по межнациональным отношениям, на котором Президент России заявил, что заставлять «человека учить язык, который для него родным не является, так же недопустимо, как и снижать уровень и время преподавания русского. Обращаю на это особое внимание глав регионов Российской Федерации» [Заседание Совета по межнациональным отношениям 2017]. После выступления В.В. Путина начались прокурорские проверки «добровольности» изучения национальных языков, а также объемов и качества преподавания русского языка в школах российских республик. В 2018 г. Госдума приняла поправки к Закону «Об образовании в РФ», отмену обязательного изучения государственных языков республик РФ и их преподавание на добровольной основе, а изучение родных языков – с учетом потребностей школьников и их родителей⁹. На наш взгляд, необязательность изучения

⁹ Принят закон об изучении родных языков (2018) // Государственная Дума. 25 июля 2018 // <http://duma.gov.ru/news/27720/>, дата обращения 18.06.2023.

языков титульных национальностей фактически лишает их статуса государственных, поскольку трудно представить государственный язык не обязательный для изучения, а следовательно, и знания его.

Новые веяния, предусматривавшие изменения в формате преподавания национальных языков, возникли не спонтанно, они были обусловлены многочисленными жалобами русских семей в республиках РФ, требовавших отменить обязательное изучение неродного языка. Эти жалобы были услышаны представителями законодательной и исполнительной власти России: так, Первый зампред Комитета по образованию и науке Госдумы О.Н. Смолин заявил: «Принудительное изучение русскими и другими нетитульными народами национальных языков – это слишком большая плата за то, чтобы представители титульной национальности изучали свой язык»¹⁰. Однако приведенные О.Н. Смолиным аргументы нас не убеждают по ряду причин. Во-первых, потому что термин «принудительный» не просто соединить с понятием «изучение». Для многих людей изучение математики и естественных наук является принудительным или, по крайней мере, нелюбимым занятием. Во-вторых, для некоторых народов России русский язык является неродным и трудным для изучения, особенно в сельских школах, например, в тувинской глубинке или в горных аварских селениях. Но даже там вопрос об обязательности изучения не родного, но государственного языка страны не подлежит обсуждению. Во вводной части действующего закона о языках говорится, что все «языки народов Российской Федерации – национальное достояние Российского государства. <...> Государство на всей территории Российской Федерации способствует развитию национальных языков, двуязычия и многоязычия» [Закон РФ «О языках народов Российской Федерации» 1991]. Актуальность этой идеи в современных условиях подтвердил и нынешний руководитель ФАДН И.В. Баринов, заявив: «Мы активно поддерживаем и развиваем уникальную особенность нашей страны – многоязычие»¹¹.

Пока многоязычие и двуязычие, о которых говорится в федеральном законе, характерно в России только для этнических меньшинств, тогда как у русских жителей республик Российской Федерации стремление к освоению языков титульных национальностей не просматривается, что демонстрируют исследования социальных лингвистов по итогам Переписи населения 2021 г. Его авторы отмечают: «Больше всего русских знают национальный язык в Чечне – 6,7%, в Осетии – 4,25%, в Чувашии – 3,9% и в Татарстане – 3,6%. В восьми республиках языком титульной нации владеет менее 1% русского населения: минимум в Хакасии – 0,11%, следом Карелия (0,35%) и Бурятия (0,41%)»¹². Для сравнения приведем языковую ситуацию в уже упоминавшейся нами Каталонии: в этой автономии 3/4 испанцев, являвшихся в 2017 г. этническим большинством не только в Испании, но и в Каталонии и составлявших 45% населения региона (их больше, чем каталонцев – 35%

¹⁰ Обязательное изучение госязыков республик отменено (2017) // Независимая газета. 28 декабря 2017 // https://www.ng.ru/politics/2017-12-28/3_7146_learning.html, дата обращения 18.06.2023.

¹¹ Игорь Баринов: «Мы активно поддерживаем и развиваем уникальную особенность нашей страны – многоязычие» (2018) // ФАДН России. 18 апреля 2018 // <https://fadn.gov.ru/press-centr/news/igor-barinov-%C2%ABmyi-aktivno-podderzhivaem-i-razvivaem-unikalnuyu-osobennost-nashej-stranyi-%E2%80%93-mnogoyazychie%C2%BB>, дата обращения 18.06.2023.

¹² Стрючкова Е. (2022) Свои и свои: на каких языках (не) говорит Россия // Изборник. 18 октября 2022 // https://www.izbornik.ru/special_project/about_sociolinguistics/na_kakih_jazykah_ne_govorit_rossija, дата обращения 18.06.2023.

жителей), не только изучали, но и свободно говорили на языке титульной национальности, более того, освоение каталонского языка испанцами продолжает расти [Алос-и-Фонт 2017].

Почему же доля владеющих чеченским языком среди русских в Чеченской Республике на порядок больше аналогичной доли, владеющих языком титульной национальности, среди русских жителей Хакасии? Редкие вайнахские языки не легче для освоения русскими, чем языки весьма распространенной в России тюркской семьи языков, к которой принадлежит и хакасский язык. Ответ на этот вопрос понятен: русские в Чечне – этническое меньшинство, и жизненные обстоятельства подвигают их к осознанию того факта, что освоение языка этнического большинства не такая уж непомерная плата за необходимость жизни в Чеченской Республике. И наоборот, в Хакасии – русские абсолютное большинство, и ничто не подталкивает их к изучению хакасского языка. Однако и хакасы в свою очередь, особенно молодые, проявляют все меньший интерес к изучению материнского языка, по мере того как уменьшается их численность в родной республике и сужается, как мы еще покажем, сфера использования языка даже в местах их компактного расселения и численного преобладания.

При возросшем статусе русского языка как «языка государствообразующего народа России»¹³ вопрос об обязательности его изучения в политической среде не возникает, тогда как сомнения в обязательности изучения языков титульных национальностей республик у российских политиков начинают усиливаться. Все это дало основания некоторым авторитетным экспертам в области социальной лингвистики охарактеризовать современную языковую политику Российской Федерации как двойственную, по-разному проявляющуюся в двух своих измерениях: «De jure конструируется политика языкового единства в разнообразии – многоязычие в приоритете, наделение языковых общностей правами на использование языков во всех сферах жизнедеятельности при ведущей роли общегосударственного русского языка. De facto имеет место политика языковой централизации – создание моноязычного пространства <...> формирование языковой иерархии, что ведет к языковой монополии, доминированию русского языка во всех сферах функционирования» [Биткеева, Вингендер 2020, с. 36].

Региональные особенности динамики владения родным языком

На наш взгляд, наибольшие проблемы в языковой политике России проявляются не на федеральном, а на региональном уровне, учитывая огромные различия в языковых и этнодемографических процессах в республиках РФ. Например, упомянутые изменения в федеральном законе «Об образовании», связанные с введением добровольности изучения родных языков, почти не затронули языковую ситуацию в республиках Северного Кавказа, прежде всего в Чеченской и Ингушской Республиках: здесь национальные языки вайнахской группы доминируют во всех

¹³ Эта формулировка появилась в изменениях ст. 68 Конституции России, одобренных в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г. Однако в этом же документе сохранилась и ст. 3, в которой указано, что носителем суверенитета (соответственно государствообразующим народом в политическом смысле этого термина) по-прежнему считается весь многонациональный народ России.

сферах жизни, в том числе и в системе образования. Принятие новаций в закон об изучении родных языков не изменили ни сложившуюся динамику владения родным языком чеченцами и ингушами, ни устоявшие приоритеты их выбора в качестве языка обучения в школах. Совершенно иная ситуация сложилась в республиках, где титульными являются народы финно-угорской языковой семьи (коми, марийцы, мордовцы, удмурты, карелы и др.): у этих народов уже несколько десятилетий наблюдаются заметные ассимиляционные процессы в языковой сфере, которые усиливаются под воздействием правовых и политических действий, ослабляющих престиж этих языков в качестве государственных. Для примера приведем динамику владения родным языком чеченцев и ингушей, с одной стороны, и мордовцев, марийцев, с другой. График (рисунок 1), построенный нами по данным Росстата и на материалах переписей населения, указывает на два противоположных вектора динамики владения материнским языком в Российской Федерации. Языки вайнахских народов (чеченцев и ингушей) обозначают собой вектор устойчивого роста, а языки народов финно-угорской семьи (всех без исключения, хотя мы привели пример только двух) – вектор устойчивого снижения лояльности к родным языкам.

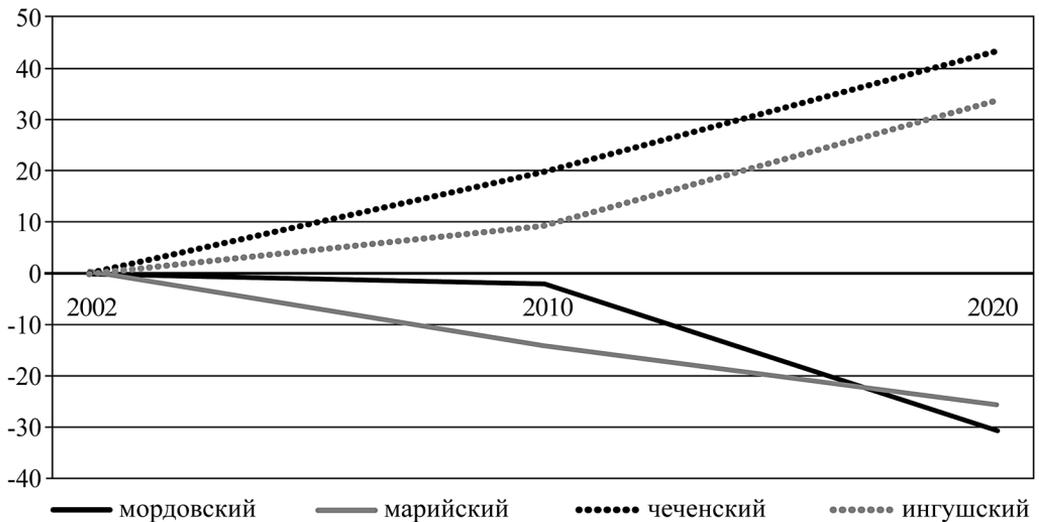

Рисунок 1. Динамика владения родным языком, в процентах изменения к 2002 г.

Современная этноязыковая ситуация в республиках Южной Сибири интересна тем, что в ней представлены оба указанных вектора развития языков титульных национальностей. Алтайцы, тувинцы и хакасы входят в единую тюркскую языковую семью, но демонстрируют разную динамику владения родными языками: так, данные *таблицы 2* указывают на растущую динамику владения тувинским языком как родным. В целом этноязыковая, как и этнодемографическая, ситуация в Тыве напоминает чеченскую. Обе республики моноэтнические (хотя титульный этнос в Тыве составлял по переписи 2020 г. всего 82%, а не 96,4% как чеченцы

в Чечне), а ярко выраженная моноэтничность обусловлена в обеих республиках устойчивым ростом владения титульной национальности родным языком; в них увеличивается численность титульного народа и наблюдается один и тот же тип этнического расселения – титульный народ преобладает на всей территории республики. Например, в Тыве из 17 муниципальных районов 11 являются мононациональными, на этой территории компактно проживает более 99% тувинцев [Всероссийская перепись населения 2020]¹⁴. Все эти факторы способствуют устойчивому функционированию и сохранению родных языков.

Иную динамику, судя по *таблице 2*, демонстрируют алтайцы. Владение алтайским языком за период между тремя последними переписями было неустойчивым: время спада лояльности к этому языку (2002–2010 гг.) сменилось подъемом (2010–2020 гг.), перекрывшим по числу пользователей потери предшествующего десятилетнего периода. Для Республики Алтай характерно дисперсное расселение представителей титульной национальности: из 11 муниципальных районов алтайцы преобладают в трех, а в остальных проживают совместно с другими народами (с русскими и казахами либо с четырьмя другими коренными народами – кумандинцами, теленгитами, тубаларами и челканцами).

Таблица 2. Динамика владения родными языками народов Южной Сибири

Языки	2002 г.	2010 г.	2020 г.	Абсолютный прирост с 2002 до 2010 г.	Абсолютный прирост с 2010 до 2022 г.
Хакасский	52 217	47 728	46 726	-4 489	-1 002
Алтайский	65 534	62 005	68 700	-3 529	6 695
Тувинский	242 754	259 638	294 020	16 884	34 382

Доля лиц, владеющих хакасским языком, как мы видим из *таблицы 2*, устойчиво понижается, следуя инерции этнодемографических процессов и усиливая их. Такая взаимосвязь лингвистической и демографической динамик характерна для процесса культурной ассимиляции. Хакасы являются меньшинством в одноименной республике (12,1%), и их расселение можно назвать очаговым: они составляют относительно большинство (50,4%) лишь в одном Аскизском районе. Два десятилетия подряд переписи фиксируют устойчивое сокращение численности хакасов: она снизилась с 75,6 тыс. чел. в 2002 г. до 61,3 тыс. чел. в 2020 г. Вслед за сокращением численности населения на 20% (это самый высокий показатель снижения среди титульных народов Сибири) уменьшилось на 11% и количество людей, владеющих хакасским языком.

Во всех трех республиках Южной Сибири наиболее распространенным является русский язык. Если для Республики Алтай и особенно для Хакасии факт преобладания русского языка не должен вызывать удивления, учитывая доминирование в этих регионах русского населения, то применительно к почти моноэтнической Тыве массовая русскоязычность требует объяснения. Преимущественное

¹⁴ Всероссийская перепись населения 2020 года // Федеральная служба государственной статистики // <https://rosstat.gov.ru/folder/56580?print=1>, дата обращения 03.03.2023.

использование русского языка в республиках Южной Сибири связано с двуязычием всех титульных национальностей, и данные последней переписи населения указывают на всеобщность владения русским языком (таблица 3), причем доля лиц, указавших владение русским языком, во всех республиках превышает 90%. Большая часть хакасов практически русскоязычна: они не только в подавляющем большинстве (98%) владеют русским языком, но и используют его в повседневной жизни (93%). У алтайцев доля владеющих русским языком – 96%, использующих его в быту – 82%, что ниже, чем у хакасов, однако у алтайцев наблюдается заметный рост этой динамики за период между переписями 2010 и 2020 г. Вполне очевидно, что в моноэтнической Республике Тыве доля титульного народа, владеющего русским языком (93%) и использующего его в повседневной жизни (75%), ниже, чем в других республиках региона, однако здесь наблюдается самый бурный в Южной Сибири рост обоих показателей за период с 2010 до 2021 г.: за это время он в пять раз превысил прежнее повышение, которое отмечалось за период между предшествующими переписями (2002–2010 гг.). Во многом это увеличение стало результатом усилий местных властей по развитию русского языка; на эти цели были направлены сразу несколько правительственных программ: так, по одной из них учителя, носители русского языка, получают грант в миллион рублей за переезд на преподавательскую работу в сельскую местность, также в 2023 г. были введены дополнительные программы изучения русского языка [Постановление Правительства Республики Тыва «О внесении изменений в государственную программу Республики Тыва “Развитие государственных языков Республики Тыва на 2021–2024 годы”» 2023].

Таблица 3. Владение русским языком титульными народами республик Южной Сибири

Народы	Городское и сельское население в соответствующих республиках				
	Численность лиц соответствующей национальности	Указавшие владение русским языком	Доля указавших владение русским языком	Из них используют его в повседневной жизни	Доля использующих русский язык в повседневной жизни от численности лиц, указавших владение русским языком
Алтайцы	73 242	70 367	96%	57 984	82%
Тувинцы	279 789	259 723	93%	193 925	75%
Хакасы	55 144	54 241	98%	52 678	97%

Рост использования русского языка народами Южной Сибири происходит на фоне куда менее обнадеживающей динамики овладения материнским языком детьми и молодежью титульных этнических общностей всех республик региона. Как показывают материалы многолетних мониторинговых исследований, в каждой из трех республик отмечается снижение мотивации детей и молодежи к изучению и использованию родных языков [Боргоякова, Гусейнова 2017]. Эта тен-

денция заметна даже в Тыве, где уровень владения родным языком самый высокий в регионе, при этом в городах республики увеличивается доля детей, которые знают только русский язык, поскольку их родители считают, что родной язык – «лишний предмет, мешающий учебе» [Сегленмей 2016, с. 106]. В других республиках региона ситуация с овладением языков титульных национальностей молодежью еще хуже: этносоциологические исследования, проведенные в Республике Алтай (2016 г.) в трех возрастных группах (16–19 лет, 20–25 лет, 26–30 лет), показали, что уровень знания и владения родным языком снижается по мере омоложения группы, и у опрошенных в возрасте до 19 лет он самый низкий [Дилекова 2018]. Отмеченная тенденция свидетельствует о начале процесса языкового сдвига в сторону нарушения межпоколенной трансляции языковых навыков.

Исследования, проводившиеся в Хакасии, подтвердили закономерность изменения языковых компетенций в зависимости от возраста респондента: чем моложе опрашиваемый, тем меньшие знания материнского языка он проявлял. Менее половины хакасских респондентов (47,2%) в возрасте до 20 лет в какой-либо мере понимали хакасский язык и еще меньше (40,8%) умели говорить на нем, хотя уровень владения хакасским языком их родителей, судя по материалам указанного исследования, был весьма высок: у респондентов в возрасте старше 40 лет он превысил 90% [Гусейнова 2014]. Со временем уровень владения родным языком среди хакасской молодежи еще более снизился [Боргоякова, Гусейнова 2017]. В настоящее время этот показатель самый низкий среди молодежи титульных национальностей трех республик.

К пессимистическим прогнозам исследователей в отношении перспектив развития алтайского и особенно хакасского языков приводят не только данные о динамике владения материнским языком, но и замеры перманентного сужения сфер применения их в одноименных республиках. Так, при сравнительно высоком знании алтайского языка у молодых алтайцев в возрасте до 19 лет (82% свободно владеют им, и еще 12 % отметили, что хорошо его знают) возможности использования его крайне ограничены: 72,5% алтайцев используют только русский язык на работе и во время учебы, поскольку не имеют иной возможности. Разумеется, в семье уровень использования русского снижается до 44%, а больше половины молодых алтайцев общаются дома либо на родном языке, либо сочетают его использование с русским [Дилекова 2018]. При этом большинство хакасской молодежи не используют родной язык даже в своих семьях, поскольку не владеют им. Сужение сферы использования языка – это фактор, уменьшающий вероятность возрождения языков титульных национальностей, и наиболее заметно такое сужение проявилось в деятельности учреждений государственного управления республик и в системе школьного образования.

Государственные языки республик Южной Сибири: сферы их функционирования

В Конституциях каждой из трех республик Южной Сибири государственный статус имеют два языка: в Республике Алтай – это русский и алтайский языки, в Тувинской Республике – русский и тувинский, а в Республике Хакасия – русский

и хакасский. В соответствии со ст. 68 ч. 2 Конституции РФ «государственный язык республики употребляется наряду с государственным языком Российской Федерации в органах государственной власти, органах местного самоуправления, государственных учреждениях республики» [Конституция РФ 1993]. Так записано в основном законе РФ, но анализ практики управления в трех российских республиках показывает, что эта норма в некоторых из них трактуется по-особому.

В Республике Хакасия уже в формулировке республиканского закона «О языках» заметно отклонение от российской конституционной нормы. Здесь вместо глагола «употребляется» вставлено словосочетание «может употребляться». Читаем этот закон: «в органах государственной власти Республики Хакасия и в органах местного самоуправления *может употребляться* [курсив авторов] хакасский язык» [Закон Республики Хакасия «О языках народов Российской Федерации, проживающих на территории Республики Хакасия» 1992]. Социальный лингвист А.В. Гусейнова проанализировала совокупность нормативных актов Республики Хакасия и пришла к выводу, что с помощью формулировок «может, вправе, или, в случае необходимости, в необходимых случаях, с учетом интересов местного населения и т. д.» хакасский язык как государственный превращается в необязательный для использования в государственном управлении [Гусейнова 2014]. Анализ стенограмм открытых заседаний высших органов государственной власти республики показывает, что в своей практике они используют только русский язык. Судопроизводство, работа правоохранительных органов и все делопроизводство ведутся только на русском языке. Этот вывод подтверждается и материалами изучения нами официальных сайтов высшего законодательного органа государственной власти Республики (Верховного Совета); официальный сайт правительства Республики Хакасия, а также официальная страница правительства в социальной сети ВК ведутся только на русском языке. Даже новости, касающиеся напрямую хакасского языка, излагаются на русском языке. Правда, вывески официальных учреждений и их официальные бланки и штампы оформлены на территории Республики строго в соответствии с конституционными нормами – на русском и хакасском языках.

Изучение использования алтайского языка в государственном управлении одноименной республики демонстрирует, что и здесь его статус как государственного языка республики не во всем подтверждается. С одной стороны, республиканский закон «О языке» вполне определенно гласит, что «в Государственном Собрании – Эл Курултай Республики Алтай и Правительстве Республики Алтай работа ведется на государственных языках. На сессиях Государственного Собрания – Эл Курултай Республики Алтай, заседаниях Президиума, комитетов и рабочих групп депутаты Республики Алтай и иные приглашенные лица вправе выступать на любом государственном языке. Их выступления обеспечиваются переводом»¹⁵. Однако мониторинговые исследования лингвистов показывают, что за соблюдением этой нормы государственные органы республики не следят: на своих собраниях и заседаниях чаще всего используется русский язык [Майзина 2019]. Наш анализ контента официальных сайтов Эл Курултая и правительства Республики Алтай подтверждает, что эти сайты, равно как и все новости пресс-центров органов государственной власти республики, ведутся только на русском языке.

¹⁵ Закон Республики Алтай «О языках народов, проживающих на территории Республики Алтай» от 03.03.1993 № 9-6 Ст. 9 (1993) // Гарант // <https://base.garant.ru/32100423/?ysclid=lvurzy7591613821188>, дата обращения 15.05.2023.

Республика Тыва является приятным исключением: здесь языковое законодательство и его применение весьма близки к конституционным нормам российского законодательства. Закон Республики «О языках» в полном соответствии с Конституцией РФ определяет, что «на территории Республики Тыва гражданам обеспечивается право обращаться в государственные, общественные организации, предприятия и учреждения как на государственных языках Республики Тыва, так и на других языках с заявлениями, предложениями и жалобами, а также получать на них ответы на языке обращения. В случае невозможности дать ответ на языке обращения используется государственный язык Российской Федерации». В законе также прописано, что «в органах государственной власти Республики Тыва и органах местного самоуправления работа ведется на государственных языках Республики Тыва» [Закон Республики Тыва «О языках в Республике Тыва» 2003]. Наш анализ демонстрирует, что все органы государственной власти на ежедневной основе действительно используют тувинский язык наравне с русским, на все обращения жители получают ответ на государственных языках Республики в зависимости от того, на каком языке был написан запрос. Стенограммы сессий Верховного Хурала (парламента) Республики Тыва, а также заседаний комитетов и комиссий Верховного Хурала (парламента) Республики Тыва свидетельствуют, что депутатам и иным лицам действительно предоставляется право выступать на любом государственном языке республики, и в случае необходимости выступления обеспечиваются соответствующим переводом. Мы проанализировали официальные сайты государственных органов власти в Республике Тыва, и это исследование показало, что пресс-центр Верховного Хурала в большинстве случаев дублирует новости как на тувинском, так и на русском языке, а на официальном сайте правительства Республики Тыва есть две вкладки «Новости» и «Медээлер». Социальные сети законодательной и исполнительной веток государственной власти также предоставляют информацию на обоих языках.

Итоги сравнительного анализа использования языков трех титульных национальностей в государственном управлении представлены в *таблице 4*, где продемонстрировано, что лишь в Республике Тыва как буква, так и дух республиканского законодательства о языке соответствуют принципу равноправия русского и тувинского языков.

В Республике Алтай нами отмечена двойственность языковой ситуации: *de jure* – республиканское законодательство о языке близко к общероссийским требованиям, но *de facto* реальное использование алтайского языка в органах власти не значимо, и в большинстве сфер государственного управления фактически используется только русский язык.

Республика Хакасия демонстрирует меньше различий между языковой ситуацией *de jure* и *de facto*, поскольку здесь республиканское законодательство не в полной мере соответствует общероссийской норме. Что касается фактического использования хакасского языка как государственного, то в колонке *таблицы 4*, характеризующей этот параметр, мы поставили почти одни минусы, поскольку признаков его использования не наблюдается, за исключением отражения хакасского языка как государственного языка республики в официальных вывесках, печатах, штампах и на бланках органов власти.

Особенно ярко различия в языковой ситуации между тремя республиками региона проявляются при сравнении системы школьного образования. Тыва –

единственная республика региона, в которой преобладают тувинские школы: здесь в 2017 г. были зафиксированы 134 национальных тувинских, 7 русских и 26 смешанных школ [Боргоякова, Гусейнова 2017]. В Республике Алтай алтайские школы (сейчас их около 60) преобладают лишь в сельской местности, и преподавание в них на алтайском проводится лишь до четвертого класса; на следующих ступенях большинство предметов изучают на русском языке. В Хакасии еще в 1970-е гг. обучение во всех школах велось на родном языке, но к началу 1990-х гг. осталось только 14 школ, в которых обучение различным предметам велось на хакасском, а к началу 2000-х гг. хакасский из языка обучения превратился в предмет изучения, при этом не обязательный, а по выбору родителей, и этот выбор становится все более редким [Боргояков, Боргоякова 2016].

Таблица 4. Сравнение использования алтайского, тувинского и хакасского языков в качестве государственных

Показатель	Представленность языка		
	алтайский	тувинский	хакасский
Соответствие языкового законодательства республики нормам Конституции РФ (ст. 68 ч. 2)	+	+	-
Использование языка титульного народа в повседневной деятельности высшего органа законодательной власти	-	+	-
Использование языка титульного народа в повседневной деятельности высшего органа исполнительной власти	-	+	-
Использование языков титульных национальностей в официальном делопроизводстве	-	+	-
Язык судопроизводства и делопроизводства в правоохранительных органах	-	+	-
Язык титульных национальностей на официальных бланках вывесках, штампах, эмблемах и др.	+	+	+

Итак, практически во всех сферах жизнедеятельности народов Южной Сибири наблюдается одна и та же тенденция: развитие языка повторяет инерцию этнодемографических процессов, когда с уменьшением численности этнической группы сужается и сфера использования ее родного языка, что в свою очередь ведет к его неизбежному затуханию, прежде всего среди молодежи. Даже в Тыве обучение в школах на тувинском языке ограничено лишь предметами «тувинский язык» и «тувинская литература» (оба предмета изучаются только по выбору учащихся и их родителей); остальные предметы как естественно-научного, так и гуманитарного цикла преподаются только на русском языке. Уже это обстоятельство сильно снижает конкурентоспособность языка титульной национальности даже в республике, в которой его использует заметное большинство населения. В Республике Алтай и особенно в Республике Хакасия действующая система школьного образования делает весьма проблематичными перспективы социальной мобильности

для носителей национальных языков, и это неизбежно актуализирует для учащихся и их родителей вопрос о целесообразности изучения родных языков, перспективы применения которых крайне ограничены.

Мы попытались проанализировать, в какой мере нарастающие угрозы и уже проявившиеся проблемы затухания родных языков осознаются властями республик, и какие меры они планируют принять для решения или хотя бы смягчения этих проблем в республиканских целевых программах сохранения и развития государственных языков республик.

Целевые программы этноязыковой политики и возможные направления их совершенствования

Закон Российской Федерации «О языках народов Российской Федерации» в его редакции от 11.06.2021 г. предусматривает, что «Правительство Российской Федерации разрабатывает федеральные целевые программы сохранения, изучения и развития языков народов Российской Федерации. <...> Органы государственной власти субъектов Российской Федерации могут разрабатывать соответствующие региональные целевые программы» [Закон РФ «О языках народов Российской Федерации» 1991]. Анализ этих программ дает дополнительные основания для выводов об особенностях языковой ситуации в указанных республиках и об общих проблемах языковой политики в России.

Республика Тыва выделяется в регионе не только наиболее благоприятной этноязыковой ситуацией, но и высоким качеством своей целевой государственной программы «Развитие государственных языков на 2021–2024 годы», принятой правительством республики 8 декабря 2020 г. В ней обозначены две целевые установки: (1) «развитие русского языка как инструмента создания единого образовательного пространства Российской Федерации», (2) «создание условий для сохранения и развития тувинского языка как государственного языка Республики Тыва» [Постановление Правительства Республики Тыва «О внесении изменений в государственную программу Республики Тыва “Развитие государственных языков Республики Тыва на 2021–2024 годы”» 2023].

Для сравнения приведем формулировки названий и целей, казалось бы, аналогичных государственных программ соседних республик. В 2021 г. вышло Постановление Правительства Республики Алтай «Об утверждении государственной программы Республики Алтай “Сохранение и развитие алтайского языка”», цель которой определяется как «создание условий для сохранения и развития алтайского языка как государственного языка Республики Алтай» [Постановление Правительства Республики Алтай «Об утверждении государственной программы Республики Алтай “Сохранение и развитие алтайского языка”» 2021]. В том же году была принята государственная программа Республики Хакасия «Сохранение и развитие хакасского языка» со следующей целевой установкой: «Обеспечение условий для сохранения, изучения, развития и популяризации хакасского языка как государственного языка Республики» [Постановление Правительства Республики Хакасия «Об утверждении государственной программы Республики Хакасия “Сохранение и развитие хакасского языка”» 2021].

Как видим, только в Республике Тыва принята государственная программа, нацеленная на развитие обоих государственных языков. Казалось бы, можно понять мотивы властей соседних с Тывой республик, в которых проблемными являются именно языки титульных национальностей, однако мировой опыт языковых политик последнего десятилетия, связанный с переходом от парадигмы мультикультурализма к интеркультурализму, указывает на малую эффективность разработки языковых стратегий, рассчитанных только на развитие языков меньшинств без увязки с политикой по отношению к этническому большинству определенного региона [Паин 2017]. Кроме того, программы развития только языков этнических меньшинств не дают представление о равенстве их с языком этнического большинства и их репрезентативности в разных сферах жизни республики.

В настоящее время только целевая программа Республики Тыва направлена на равное представительство русского и тувинского языков в таких сферах жизнедеятельности, как государственное управление, средства массовой информации, сфера культуры и просвещения, тогда как целевые программы этноязыкового развития в Республиках Алтай и Хакасия не только не пытаются установить паритет в использовании двух государственных языков (русского и алтайского, русского и хакасского), но даже не пытаются рассмотреть вопрос о представительности языка титульной национальности в различных сферах жизни (за исключением сферы дошкольного и школьного образования). Об этом можно судить по набору используемых целевых показателей в республиканских этноязыковых программах. Например, в программном документе Республики Алтай главными являются два целевых показателя: «доля обучающихся в дошкольных и общеобразовательных организациях, изучающих алтайский язык, в общем количестве обучающихся дошкольных и общеобразовательных организаций Республики Алтай»; и «доля участников, вовлеченных в мероприятия по популяризации и развитию алтайского языка, от общей численности населения Республики Алтай» [Постановление Правительства Республики Алтай «Об утверждении государственной программы Республики Алтай “Сохранение и развитие алтайского языка”» 2021].

Основным целевым показателем хакасской этноязыковой программы остается следующая данность: «доля охвата учащихся хакасской национальности, изучающих родной язык, достигнет 79,6%» (это показатель на 2027 г. – ко времени завершения целевой программы) [Постановление Правительства Республики Хакасия «Об утверждении государственной программы Республики Хакасия “Сохранение и развитие хакасского языка”» 2021]. В целевой программе не объясняется, каким образом удастся достигнуть столь массового вовлечения школьников в изучение хакасского языка после трех десятилетий снижения интереса молодежи и их родителей к изучению родного языка.

Использование языка коренного народа в государственном и муниципальном управлении значительно повышает престиж этого языка и выступает важным стимулом повышения интереса людей к освоению родного языка. Судя по перечисленным целевым показателям, это обстоятельство осознавалось разработчиками тувинской целевой программы развития государственных языков республики. В качестве примера мы приведем лишь некоторые из них, при этом исключительно те, которые были в программе на момент ее создания в 2020 г., а затем были исключены по мере их выполнения. Речь идет о «количестве нормативных правовых актов и иных официальных документов, опубликованных на тувинском

языке», «доле уличных и дорожных указателей, вывесок на фасадах зданий государственных и муниципальных учреждений, оформленных на двух государственных языках Республики Тыва», «ведении официальных сайтов исполнительных органов государственной власти и органов местного самоуправления Республики Тыва на двух государственных языках Республики Тыва» [Постановление Правительства Республики Тыва «О внесении изменений в государственную программу Республики Тыва “Развитие государственных языков Республики Тыва на 2021–2024 годы”» 2020].

Различия в характере целевых показателей в тувинской программе в сравнении с алтайской и хакасской очевидны и не требуют пояснений. Важно и то, что показатели тувинской программы вполне реалистичны, и многие из них были выполнены и из последующих версий программы исключены. К 2023 г. были созданы официальные сайты правительства и парламента республики на двух языках; опубликованы нормативные акты на двух языках; установлены дорожные указатели и вывески на двух языках, по крайней мере в столице республики, на улицах Кызыла. С 2021 г. всего лишь за год значительно возрос и «удельный вес социально значимых передач на тувинском языке в общем объеме вещания в Республике Тыва» [Постановление Правительства Республики Тыва «О внесении изменений в государственную программу Республики Тыва “Развитие государственных языков Республики Тыва на 2021–2024 годы”» 2023], следовательно, и этот целевой показатель программы свидетельствует о выполнении важных задач.

Продвинутость этой республики в сохранении и развитии языка титульной национальности обусловлена не только советующими действиями республиканских властей, но и деятельностью гражданского общества. Показательно, что именно в Тыве, в которой проблемы затухания языка титульной национальности заметны меньше, чем в соседних республиках Южной Сибири, проявилась наибольшая активность институтов гражданского общества в защиту языка. 2 июня 2015 г. в Кызыле было опубликовано открытое письмо представителей интеллигенции Тывы, обеспокоенных тенденциями ассимиляции тувинского языка и обеспечением его равноправного развития в качестве государственного языка. Среди прочих запросов присутствовал следующий пункт: «Считаем целесообразным Парламенту РТ, Министерству образования и культуры РТ разработать и принять Государственную целевую программу “Сохранение и развитие тувинского языка”»¹⁶. От Минэкономики республики представители тувинской интеллигенции потребовали «безусловного и полного финансирования всех пунктов ГЦП с последующим отчетом перед народом (во время слушаний правительственных отчетов)»¹⁷. Оказалось, что тувинские деятели науки и культуры, не являющиеся профессионалами в языковой политике, все же нащупали центральную и общую проблему технологии разработки региональных целевых программ развития языков: все они (и не только в Южной Сибири, но и во всех республиках России) плохо увязаны с общеполитическими целями республик, не контролируются их парламентами и общественностью и далеко не всегда опираются на реальные ресурсные возможности региона, особенно в дотационных республиках.

¹⁶ Открытое письмо интеллигенции Тывы о праве изучать тувинский язык (2015) // Новые исследования Тывы. 2 июня 2015 // <https://www.tuva.asia/news/tuva/7984-otkrytoe-pismo.html>, дата обращения 16.05.2023.

¹⁷ Открытое письмо интеллигенции Тывы о праве изучать тувинский язык (2015) // Новые исследования Тывы. 2 июня 2015 // <https://www.tuva.asia/news/tuva/7984-otkrytoe-pismo.html>, дата обращения 16.05.2023.

Заключение

Наш анализ позволяет сделать несколько общих выводов о сложностях этноязыковой политики России. Мы выделяем три основных проблемы, преодоление которых может определить важнейшие направления коррекции языковой политики в республиках РФ.

1. Узковедомственный подход к сохранению и развитию национальных языков.

Несмотря на то, что во многих регионах России целевые программы этноязыкового развития называются государственным, в реальности это узковедомственные документы, подготавливаемые либо министерством образования, либо министерством по делам национальностей (названия таких министерств варьируются в разных регионах). Целевые ориентиры, разрабатываемые в рамках таких программ, ограничиваются одной лишь сферой образования, поддержкой издания печатной продукции и проведением различного рода фестивалей и других подобных мероприятий. Среди сибирских республик, пожалуй, лишь в Республике Тыва проводится системная работа по сохранению и развитию языка титульной национальности. Коррекция этноязыковой политики республик России, на наш взгляд, должна подразумевать переход от ведомственной политики к государственной. Целевые программы такой политики должны приниматься и контролироваться высшим законодательным органом республики и быть увязанными с ресурсными возможностями республик.

2. Декларативность этноязыковой политики во многих республиках.

Одним из проявлений этого является случайный набор целевых показателей в программах этноязыкового развития. Во многом такая ситуация сложилась по причине отсутствия в стране единой концепции и методологии языковой политики. В 2022 г. Институтом языкознания РАН была разработана Концепция языковой политики РФ, рамочный стратегический документ, определяющий дальнейшее развитие политики и законодательства в языковой сфере. Пока эта концепция не принята, и мы не настаиваем на том, что именно разработка академического института должна стать основой государственной концепции, но уверены, что такой документ необходим уже потому, что рассматривает языковую политику в комплексе, в ее взаимосвязи с государственным управлением, образованием, научно-технической, культурной и национальной политикой РФ. В нем определяются инструменты реализации языковой политики и показатели ее эффективности. С принятием такой концепции республикам не нужно будет придумывать свои целевые индикаторы, многие из которых в действительности либо не влияют на языковую ситуацию, либо являются заведомо не реалистичными.

3. Инерционность языковой политики – одна из главных ее проблем.

Как бы мы ни трактовали термин «политика», он в любой трактовке будет предполагать совокупность целенаправленных действий властей и общества. Пока же наблюдаются слабая целенаправленность и полная зависимость этноязыковой «политики» от инерции этнодемографических процессов. Такая зависимость имеет меньше негативных последствий в республиках с высоким приростом населения: например, в Тыве, как было показано выше, есть возможность обеспечения равноправного развития как русского языка, так и языка титульной

национальности. В то же время в республиках с быстро сокращающейся численностью населения титульной национальности (таких как Карелия, Коми, Удмуртия и других) безальтернативно нарастают угрозы для сохранения родных языков этих этнических групп. В исследованном нами регионе Южной Сибири наибольшие проблемы для сохранения языка титульной национальности проявляются в Хакасии, где с сокращающимся уже третье десятилетие подряд хакасским меньшинством вероятность достижения цели сохранения языкового многообразия представляется крайне незначительной при сохранении нынешних тенденций в языковой политике. В республиканской программе сохранения хакасского языка, который находится (по классификации ЮНЕСКО) под угрозой исчезновения, нет и намека на факторы, которые смогли бы противостоять такой угрозе и переломить крайне негативные тенденции: так, в ней не отражены какие-либо попытки рассмотреть вопрос о расширении сферы практического использования хакасского языка в республике. Возможно, власти Хакасии полагают, что при быстро снижающейся численности хакасского населения нет необходимости создавать особые условия для внедрения хакасского языка в сферу государственного управления. Мы же считаем такой взгляд ошибочным как с точки зрения обеспечения реального равноправия народов России, так и с позиций задач сохранения национальных языков. Упомянутый нами опыт перелома длительных негативных тенденций в языковой сфере и возрождения таких языков, как айнский, гавайский и язык маори, подвергшихся большему разрушению, чем хакасский, указывает на чрезвычайную важность такого фактора, как обязательное использование языка коренного народа, языка, получившего особый политический статус в сфере государственного и муниципального управления. В случае с айнами на о. Хоккайдо такое расширение сферы использования языка начиналось в условиях, когда оставались лишь несколько сотен носителей языка, а не десятки тысяч, как у современных хакасов.

Приведенные в статье примеры возрождения трех указанных языков подсказывают некоторые другие важные направления корректировки этноязыковой политики. Они предполагают:

1. опору на стратегию перелома инерционных тенденций в языковой сфере, закладываемую в целевых программах;

2. принятие в языковой политике принципа, хорошо известного и доминирующего в социальной политике: первоочередная помощь и наибольшие усилия государства и общества необходимы наиболее уязвимым группам, в том числе и этноязыковым. Пока же языковая ситуация развивается в противоположном направлении: наибольшую финансовую и организационную поддержку получают и без того жизнеспособные языковые группы;

3. внедрение новых методологий в обучение языку. В таких республиках, как Карелия, Коми, Хакасия и в ряде других уже большая часть детей младшего школьного и дошкольного возраста не владеют языком титульной национальности, и, как отмечают хакасские лингвисты, педагоги не готовы к обучению этническому языку детей, не владеющих им. Обучению препятствует отсутствие традиций и новых методик преподавания. В свое время с подобной же проблемой столкнулись и общественные активисты, стремившиеся возродить язык маори в Новой Зеландии: именно здесь была впервые внедрена методология «языковых гнезд» для возрождения языка коренных народов. Эта методология получила широкое

распространение в мире, а в Российской Федерации она впервые была апробирована в Карелии¹⁸;

4. активизацию институтов гражданского общества. Все мировые примеры возрождения национальных языков указывают в качестве обязательной предпосылки этого значительную активизацию усилий самого общества. Именно оно всегда выступает основным инициатором и поборником возрождения национальной культуры: активисты больше других общественных сил оказывают влияние на развитие чувства гордости людей за свое культурное наследие, а институты гражданского общества зачастую побуждают власти к внесению актуальных изменений в языковую политику государства.

Список источников

- Алос-и-Фонт Э. (2017) Языковая политика в Каталонии и националистический конфликт в Испании // Институт этнологии и антропологии РАН. С. 162–199 // https://www.researchgate.net/publication/321864342_Azykovaa_politika_v_Katalonii_i_nacionalisticeskij_konflikt_v_Ispanii, дата обращения 04.05.2023.
- Алпатов В.М. (2013) Языковая политика в современном мире // Научный диалог. № 5(17). С. 8–28 // https://elar.rsvpu.ru/bitstream/123456789/19741/1/2013_17_001.pdf, дата обращения 01.05.2023.
- Биткеева А.Н., Вингендер М. (2020) Сценарии в языковой политике России: вопросы концепции и методологии // Социолингвистика. Т. 1. № 1. С. 34–53. DOI: 10.37892/2713-2951-1-1-34-53
- Боргояков С.А., Боргоякова Т.Г. (2016) Языковая ситуация и проблемы обучения хакасскому языку в республике Хакасия // Научное обозрение Саяно-Алтая. № 3. С. 12–23.
- Боргоякова Т.Г., Гусейнова А.В. (2017) Статус и функционирование тюркских языков Южной Сибири. Абакан: Хакаский государственный университет им. Н.Ф. Катанова.
- Всероссийская перепись населения (2020) // Федеральная служба государственной статистики // <https://rosstat.gov.ru/vpn/2020>, дата обращения 03.03.2023.
- Гусейнова А.В. (2014) Динамика языковой ситуации в Республике Хакасия. Абакан.
- Дилекова С.Д. (2018) Конструирование общероссийской, региональной и этнической идентичности в республике Алтай (конец XX – начало XXI веков). Горно-Алтайск: Научно-исследовательский институт алтаистики им. С.С. Суразакова.
- Закон Республики Тыва «О языках в Республике Тыва» от 31.12.2003 N 462 ВХ-1 (2003) // Garant.ru // <https://base.garant.ru/28701589/>, дата обращения 10.05.2023.
- Закон Республики Хакасия «О языках народов Российской Федерации, проживающих на территории Республики Хакасия» от 20.10.1992 N 11 (1992) // Garant.ru // <https://base.garant.ru/20500028/>, дата обращения 10.05.2023.
- Закон РФ «О языках народов Российской Федерации» от 25.10.1991 N 1807-1 (с изм. и доп., вступ. в силу с 13.06.2021) (1991) // КонсультантПлюс // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_15524/?ysclid=lpbk99nq2m939897462, дата обращения 20.05.2023.
- Заседание Совета по межнациональным отношениям (2017) // Президент России. 20 июля 2017 // <http://www.kremlin.ru/events/president/news/55109>, дата обращения 18.05.2023.
- Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 (1993) // Официальный интернет-портал правовой информации // <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202210060013?ysclid=lmqh034hb2450323489>, дата обращения 18.05.2023.

¹⁸ Языковое гнездо в Республике Карелия: из области реальности или фантастики? (2015) // Karelinform.ru. 6 февраля 2015 // <https://karelinform.ru/news/2015-02-06/azykovoe-gnezdo-v-respublike-kareliya-iz-oblasti-realnosti-ili-fantastiki-2211916>, дата обращения 16.05.2023.

- Майзина А.Н. (2019) О результатах мониторинга по изучению языковой ситуации в Республике Алтай // Башкирский язык и литература в условиях глобализации и полиэтнической среды: опыт и перспективы. Уфа. С. 192–200 // https://niialt.ru/attachments/article/489/130921-1_monitoring_2018_mayz.pdf, дата обращения 17.05.2023.
- Паин Э.А. (2017) Управление культурным разнообразием: исторические модели и современная практика в сфере регулирования этнополитических отношений // Вопросы государственного и муниципального управления. № 4. С. 77–102 // <https://vgmu.hse.ru/data/2017/12/27/1160652166/%D0%9F%D0%B0%D0%B8%D0%BD%20%D0%AD.%D0%90.%204-2017.pdf>, дата обращения 17.05.2023.
- Постановление Правительства Республики Алтай «Об утверждении государственной программы Республики Алтай “Сохранение и развитие алтайского языка”» от 26.11.2021 N 359 (2021) // Консорциум «Кодекс» // <https://docs.cntd.ru/document/577987446>, дата обращения 20.08.2023.
- Постановление Правительства Республики Тыва «О внесении изменений в государственную программу Республики Тыва “Развитие государственных языков Республики Тыва на 2021–2024 годы”» от 18.07.2023 N 519 (2023) // Официальный интернет-портал правовой информации // <http://publication.pravo.gov.ru/document/1700202307200012>, дата обращения 16.08.2023.
- Постановление Правительства Республики Тыва «О внесении изменений в государственную программу Республики Тыва “Развитие государственных языков Республики Тыва на 2021–2024 годы”» от 08.12.2020 N 610 (2020) // Официальный интернет-портал правовой информации // <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=166081597&backlink=1&&nd=166123766>, дата обращения 19.07.2023.
- Постановление Правительства Республики Хакасия «Об утверждении государственной программы Республики Хакасия “Сохранение и развитие хакасского языка”» от 08.11.2021 N 569 (2021) // Правительство Республики Хакасия // <https://r-19.ru/documents/7844/123447.html>, дата обращения 20.07.2023.
- Путин В.В. (2012) Россия: национальный вопрос // Единая Россия. 23 января 2012 // <https://er.ru/activity/news/rossia-nazionalny-vopros?ysclid=lhgcy18ocz641295169>, дата обращения 16.05.2023.
- Сегленей С.Ф. (2016) Роль родного языка как языка обучения в начальной школе // Вестник. Педагогические науки. № 4. С. 105–112 // <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-rodного-yazyka-kak-yazyka-obucheniya-v-nachalnoy-shkole/viewer>, дата обращения 16.05.2023.
- Указ Президента РФ «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» от 19.12.2012 г. N 1666 (2012) // Garant.ru // <https://base.garant.ru/70284810/>, дата обращения 10.04.2023.
- Указ Президента РФ «Об утверждении Концепции государственной национальной политики Российской Федерации» от 15.06.1996 N 909 (утратил силу 19.12.2012) (2012) // Президент России. 19 декабря 2012 // <http://www.kremlin.ru/acts/bank/9571>, дата обращения 20.05.2023.
- Gayman J. (2011) Ainu Right to Education and Ainu Practice of ‘Education’: Current Situation and Imminent Issues in Light of Indigenous Education Rights and Theory // Intercultural Education, vol. 22, no 1, pp. 15–27. DOI: 10.1080/14675986.2011.549642
- Saving the Hawaiian Language (2012) // University of Hawai‘i Foundation (uhfoundation.org) // https://www.google.com/url?q=https://www.uhfoundation.org/saving-hawaiian-language&source=gmail&ust=1695287182310000&usg=AOvVaw2-3AN-H_B5Djsblkw_4niu, дата обращения 20.04.2023.
- Siler J.F. (2012) Lost Kingdom: Hawaii’s Last Queen, the Sugar Kings and America’s First Imperial Adventure, New York: Atlantic Monthly Press.
- The Great Work of Saving the Hawaiian Language // Uhfoundation.org // <https://www.uhfoundation.org/saving-hawaiian-language>, дата обращения 20.05.2023.

- The Surprising Revival of the Hawaiian Language (2019) // The Economist, February 2, 2019 // <https://www.economist.com/united-states/2019/02/21/the-surprising-revival-of-the-hawaiian-language>, дата обращения 20.05.2023.
- Uzawa K. (2019) Crafting Our Future Together: Urban Diasporic Indigeneity from an Ainu Perspective in Japan. PhD in Anthropology Dissertation, Norway: The Arctic University of Norway.
- Violent Clashes over Catalan Separatist Leaders' Prison Terms (2019) // The Guardian, October 14, 2019 // <https://www.theguardian.com/world/2019/oct/14/catalan-separatist-leaders-given-lengthy-prison-sentences>, дата обращения 16.04.2023.
-

The Policy of Preserving Linguistic Diversity in Russia: Declared Goals and Real Practice in the Republics of Southern Siberia

E.A. PAIN*, V.Sh. MIZHIT-DORZHU**

***Emil A. Pain** – DSc in Politics, PhD in History (Ethnology), Lead Researcher, Institute of the Sociology Federal Research Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation, painea@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8796-187X>

****Venera Sh. Mizhit-Dorzhu** – Bachelor in Public Administration, HSE University, Moscow, Russian Federation, ve.mizhit@gmail.com

Citation: Pain E.A., Mizhit-Dorzhu V.Sh. (2024) The Policy of Preserving Linguistic Diversity in Russia: Declared Goals and Real Practice in the Republics of Southern Siberia. *Mir Rossii*, vol. 33, no 4, pp. 66–93 (in Russian). DOI: 10.17323/1811-038X-2024-33-4-66-93

Abstract

The UN General Assembly proclaimed the period between 2022 and 2032 as the International Decade of Indigenous Languages to draw global attention to the challenges of preserving indigenous languages. This article highlights the alignment of Russia's language policy goals with those outlined in the UN resolution. However, it also demonstrates that the practice of Russian language policy, particularly at the regional level, does not fully align with these declared goals.

The article compares the language laws adopted in three republics of Southern Siberia: the Republics of Altai, Tuva, and Khakassia. The analysis focuses on administrative practices, such as the use of Russian and national languages during local government meetings and in documents. It also examines the practices and extent of teaching national languages in schools and pre-schools. A comparative analysis is conducted on the proficiency and use of national languages by the titular nationalities and Russians living in these republics.

The research concludes that there are dominant inertial processes in the demographic and linguistic spheres of the Southern Siberian republics. With the continued decline in the number of some ethnic groups (for example, in the Republic of Khakassia), local authorities are reducing

This research was carried out as part the “Program of scientific research 2023–2025 related to the study of the ethnocultural diversity of Russian society and aimed at strengthening the all-Russian identity (head of the Academician of the Russian Academy of Sciences V.A. Tishkov)”.

The article was received in December 2023.

efforts to preserve ethnic languages which increases their vulnerability. Administrative practices aimed at expanding the use of ethnic languages are only evident in republics where demographic trends are favorable for ethnic groups, such as the Republic of Tuva.

The authors conclude that the state's explicit goals of preserving Russia's linguistic diversity require adjustments in the implementation of language policy. They present their ideas on possible directions for these changes.

Keywords: language policy, ethnic policy, threats to languages, linguistic diversity, indigenous peoples

References

- All-Russian Population Census (2020). *Federal State Statistics Service*. Available at: <https://rosstat.gov.ru/vpn/2020>, accessed 03.03.2023 (in Russian).
- Allos-i-Font H. (2017) Language Policy in Catalonia and the Nationalist Conflict in Spain. *IEA RAS*, pp. 162–199. Available at: https://www.researchgate.net/publication/321864342_Azykovaa_politika_v_Katalonii_i_nacionalisticeskij_konflikt_v_Ispanii, accessed 04.05.2023 (in Russian).
- Alpatov V.M. (2013) Language Policy in the Modern World. *Scientific Dialogue*, no 5(17), pp. 8–28. Available at: https://elar.rsvpu.ru/bitstream/123456789/19741/1/2013_17_001.pdf, accessed 01.05.2023 (in Russian).
- Bitkeeva A.N., Wingender M. (2020) Scenarios in the Language Policy of Russia: Issues of Concept and Methodology. *Sociolinguistics*, vol. 1, no 1, pp. 34–53 (in Russian). DOI: 10.37892/2713-2951-1-1-34-53
- Borgoyakov S.A., Borgoyakova T.G. (2016) Language Situation and Problems of Teaching the Khakass Language in the Republic of Khakassia. *Scientific Review of the Sayano-Altai*, no 3, pp. 12–23 (in Russian).
- Borgoyakova T.G., Huseynova A.V. (2017) *Status and Functioning of the Turkic Languages of Southern Siberia*, Abakan: Khakass State University named after N.F. Katanov (in Russian).
- Decree of the President of the Russian Federation from 19.12.2012 N 1666 “On the Strategy of the State National Policy of the Russian Federation for the period up to 2025” (2012). *Garant.ru*. Available at: <https://base.garant.ru/70284810>, accessed 10.04.2023 (in Russian).
- Dilekova S.D. (2018) *Constructing the All-Russian, Regional and Ethnic Identity in the Altai Republic (Late XX – Early XXI Centuries)*, Gorno-Altaysk: S.S. Surazakov Scientific Research Institute of Altaic Studies (in Russian).
- Gayman J. (2011) Ainu Right to Education and Ainu Practice of ‘Education’: Current Situation and Imminent Issues in Light of Indigenous Education Rights and Theory. *Intercultural Education*, vol. 22, no 1, pp. 15–27. DOI: 10.1080/14675986.2011.549642
- Huseynova A.V. (2014) *Dynamics of the Language Situation in the Republic of Khakassia*, Abakan (in Russian).
- Maizina A.N. (2019) On the Results of Monitoring on the Study of the Language Situation in the Altai Republic. *Bashkir Language and Literature in the Context of Globalization and Multiethnic Environment: Experience and Prospects*, Ufa, pp. 192–200. Available at: https://niialt.ru/attachments/article/489/130921-1_monitoring_2018_mayz.pdf, accessed 17.05.2023 (in Russian).
- Meeting of the Council on Interethnic Relations (2017). *President of Russia*, July 20, 2017. Available at: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/55109>, accessed 18.05.2023 (in Russian).

- Pain E.A. (2017) Cultural Diversity Management: Historical Models and Modern Practice in the Sphere of Ethnopolitical Relationships Regulation. *Public Administration Issues*, no 4, pp. 77–102. Available at: <https://vgmu.hse.ru/data/2017/12/27/1160652166/%D0%9F%D0%B0%D0%B8%D0%BD%20%D0%AD.%D0%90.%204-2017.pdf>, accessed 17.05.2023 (in Russian).
- Putin V.V. (2012) Russia: A National Question. *United Russia*, January 23, 2012. Available at: <https://er.ru/activity/news/rossia-nazionalny-vopros?ysclid=lhgcy18ocz641295169>, accessed 05.16.2023 (in Russian).
- Resolution of the Government of the Altai Republic from 11.26.2021 N 359 “On Approval of the State Program of the Altai Republic ‘Preservation and Development of the Altai Language’” (2023). *Codex Consortium*. Available at: <https://docs.cntd.ru/document/577987446>, accessed 20.08.2023 (in Russian).
- Resolution of the Government of the Republic of Tyva from 07.18.2023 N 519 “On Amendments to the State Program of the Republic of Tyva “Development of the State Languages of the Republic of Tyva for 2021–2024” (2023). *The Official Internet Portal of Legal Information*. Available at: <http://publication.pravo.gov.ru/document/1700202307200012>, accessed 16.08.2023 (in Russian).
- Resolution of the Government of the Republic of Tyva from 12.08.2020 N 610 “On Amendments to the State Program of the Republic of Tyva “Development of the State Languages of the Republic of Tyva for 2021–2024” (2020). *The Official Internet Portal of Legal Information*. Available at: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=166081597&backlink=1&&nd=166123766>, accessed 19.07.2023 (in Russian).
- Resolution of the Government of the Republic of Khakassia from 11.08.2021 N 569 “On Approval of the State program of the Republic of Khakassia ‘Preservation and Development of the Khakass Language’” (2021). *Government of the Republic of Khakassia*. Available at: <https://r-19.ru/documents/7844/123447.html>, accessed 20.07.2023 (in Russian).
- Saving the Hawaiian Language (2012). *University of Hawai‘i Foundation (uhfoundation.org)*. Available at: https://www.google.com/url?q=https://www.uhfoundation.org/saving-hawaiian-language&source=gmail&ust=1695287182310000&usg=AOvVaw2-3AN-H_B5Djsblkw_4niu, accessed 01.05.2023.
- Seglenmei S.F. (2016) The Role of the Native Language as the Language of Instruction in Primary School. *Vestnik. Pedagogical Sciences*, no 4, pp. 105–112. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-rodnogo-yazyka-kak-yazyka-obucheniya-v-nachalnoy-shkole/viewer>, accessed 16.05.2023 (in Russian).
- Siler J.F. (2012) *Lost Kingdom: Hawaii’s Last Queen, the Sugar Kings and America’s First Imperial Adventure*, New York: Atlantic Monthly Press.
- The Concept of the State National Policy of the Russian Federation from Decree of the President of the Russian Federation dated 06/15/1996 No. 909 “On approval of the Concept of the State National Policy of the Russian Federation” 15.06.1996 N 909 (expired on 12/19/2012) (2012). *President of Russia*, December 19, 2012. Available at: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/9571>, accessed 20.05.2023 (in Russian).
- The Constitution of the Russian Federation from 12.12.1993 (1993). *The Official Internet Portal of Legal Information*. Available at: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202210060013?ysclid=lmqh034hb2450323489>, accessed 18.05.2023 (in Russian).
- The Great Work of Saving the Hawaiian Language. *Uhfoundation.org*. Available at: <https://www.uhfoundation.org/saving-hawaiian-language>, accessed 01.05.2023.
- The Law of the Republic of Khakassia from 20.10.1992 N 11 “On the Languages of the Peoples of the Russian Federation Living in the Territory of the Republic of Khakassia” (1992). *Garant.ru*. Available at: <https://base.garant.ru/20500028/>, accessed 10.05.2023 (in Russian).
- The Law of the Republic of Tuva from 12.31.2003 N 462 VX-1 “On Languages in the Republic of Tyva” (2003). *Garant.ru*. Available at: <https://base.garant.ru/28701589/>, accessed 10.05.2023 (in Russian).

- The Law of the Russian Federation from 25.10.1991 N 1807-1 “On the Languages of the Peoples of the Russian Federation” (1991). *ConsultantPlus*. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_15524/?ysclid=lpbk99nq2m939897462, accessed 20.05.2023 (in Russian).
- The Surprising Revival of the Hawaiian Language (2019). *The Economist*, February 2, 2019. Available at: <https://www.economist.com/united-states/2019/02/21/the-surprising-revival-of-the-hawaiian-language>, accessed 01.05.2023.
- Uzawa K. (2019) *Crafting Our Future Together: Urban Diasporic Indigeneity from an Ainu Perspective in Japan*. PhD in Anthropology Dissertation, Norway: The Arctic University of Norway.
- Violent Clashes over Catalan Separatist Leaders’ Prison Terms (2019). *The Guardian*, October 14, 2019. Available at: <https://www.theguardian.com/world/2019/oct/14/catalan-separatist-leaders-given-lengthy-prison-sentences>, accessed 01.05.2023.